

Когда он снова очнулся, вокруг раздавались шумные голоса, которые он давно не слышал — это были родные диалекты его родного города. Это была не его одинокая квартира.

Он покончил с собой из-за депрессии, и кто бы мог подумать, что он снова проснётся, и окажется, что он вернулся в прошлое.

Этот маленький городок, с неудобным сообщением, казалось, был изолирован от внешнего мира. Даже Олимпийские игры 2008 года в Пекине здесь никто не заметил, все продолжали жить своей обычной жизнью, изредка собираясь с друзьями, чтобы поболтать, выпить чаю или сыграть в карты. Городок находился на юго-востоке Сычуани, с простыми нравами, словно отрезанный от мира.

Это был посёлок Сыминь, где всего несколько сотен семей, и большинство трудоспособных мужчин уехали на заработки. Городок казался забытым.

Ян Цин долго не мог поверить в то, что видел. Он сидел в классе, где парты и стулья были тесно расставлены, а вокруг бегали и шумели дети лет двенадцати-тринадцати. Он не понимал, как они умудрялись так легко перемещаться в такой тесноте. Ян Цин поднял левую руку — это была белая и нежная рука, на тыльной стороне которой даже оставались маленькие ямочки. Это была его рука, но в то же время не его. Он перевернул ладонь — на запястье не было и следа от того пореза, который он сам нанёс.

Говорят, что те, кто успешно совершают самоубийство, действительно хотят умереть. Так что же это было — умер он или нет? Ян Цин не выделялся среди других детей, разве что был немного полнее и белее других. Он опустил голову на парту, закрыл глаза и задумался.

Ян Цин видел, как его кровь текла из запястья. Он специально купил острый нож и без колебаний сделал надрез. Сначала кровь текла быстро, это было больно, но он думал, что когда кровь полностью вытечет, он наконец освободится. Кто бы мог подумать, что он вернётся в прошлое? То, о чём другие мечтали, стало для него головной болью. Он думал, что смерть положит всему конец, но вместо этого его вернули, чтобы он снова прожил эти годы.

Ян Цин не знал, когда его тело найдут. Перед самоубийством он только что оплатил квартплату за квартал. Он жил один в Ханчжоу, и единственным человеком, которого он знал, был его арендодатель. Умер он летом, а родители звонили ему раз в две недели, разговор длился минуту. Ян Цин думал, что его тело сгниёт, прежде чем кто-либо узнает.

Для учеников перемена всегда проходит быстро. Когда прозвенел звонок на урок, все дети быстро заняли свои места. Ученики первого класса средней школы ещё не полностью осознали себя школьниками и всё ещё считали слова учителя истиной в последней инстанции.

Ян Цин уже забыл, кто был его соседом по парте. Когда кто-то сел рядом, он даже не поднял головы, чтобы посмотреть, продолжая лежать. Он не только не помнил соседа, он вообще не помнил многих из своего класса. Его память всегда была плохой, даже из старшей школы он помнил лишь несколько человек, не говоря уже о средней школе.

— Эй, Ян Цин! Ян Цин! Проснись! Урок начался.

Ян Цин сидел на предпоследнем ряду у окна. Повернув голову к соседу, он краем глаза увидел парня у задней двери, который стоял у стены с закрытыми глазами, а затем перевёл взгляд на соседа.

Ян Цин так и не вспомнил, кто это был, и равнодушно отвёл взгляд. Как раз в этот момент

вошёл учитель, и он уставился на него, хотя никак не мог сосредоточиться. В прошлой жизни Ян Цин уже ходил к психологу, но вначале он не придавал этому значения. Позже, когда у него началась сильная неврастения, он понял, что все эти проблемы вернулись вместе с ним.

— Эй, Ян Цин, о чём ты думаешь? Учитель велел раздать тетради!

Ян Цин смотрел на соседа, пока его мозг обрабатывал услышанное, и затем он вспомнил, что в начале средней школы он действительно был старостой по математике и должен был раздавать тетради.

Ян Цин был слегка полным, и ему было трудно пролезть за спиной соседа. Он давно не испытывал таких ощущений. В последние два-три года перед перерождением он жил один в квартире на второй кольцевой дороге Ханчжоу. Серьёзное психическое заболевание заставляло его не выходить из дома целый месяц. Когда он больше не мог терпеть, он шёл покупать продукты, которые можно было долго хранить, и ел их, когда был голоден, но чаще всего он не мог ничего есть. Живя в одиночестве два-три года, он довёл свой желудок до ужасного состояния, его тело стало очень слабым, вес резко упал, и перед смертью он весил меньше пятидесяти килограммов при росте почти метр семьдесят пять. Теперь он с трудом выбрался из-за спины соседа, взял тетради, которые дал учитель математики, и начал раздавать их. Имена на обложках он знал, но когда они были вместе, задача становилась сложнее.

— Быстрее раздай, мне ещё нужно начать урок!

Учитель математики был мужчиной лет тридцати, который никогда не улыбался в их классе. Их пятый класс был самым плохим из пяти классов в параллели, и любой учитель, который бы его вёл, был бы недоволен. Пока он писал на доске примеры, которые собирался разбирать, Ян Цин раздавал тетради нескольким ученикам, чтобы они помогли их раздать. У него в руках осталось лишь несколько. Они были только что поступившими в среднюю школу учениками, и было понятно, что они не всех знали. Ян Цин с трудом раздал все тетради, и у него осталась одна. Он посмотрел на имя — «Чжан Линь», немного замешкался и направился к задней двери класса.

— Чжан Линь, сдай тетрадь!

— погоди! — Парень наконец оторвался от парты и крикнул в центр класса:

— Ли Сюэ, ты закончила? Надо сдавать!

Юноша наконец получил тетрадь и аккуратно вычеркнул имя «Чжан Линь» из списка.

Ян Цин вспоминал, как в университете он часто думал о школьных годах. Как только наступало время окончания занятий, ученики, словно сорвавшиеся с поводка лошади, хватали свои миски и бежали в столовую. В университете Ян Цин уже осознавал, что с его психикой что-то не так. Малейшие мелочи в общении заставляли его нервничать и хотеть покончить со всем. Вернувшись в школу, он смотрел, как его сосед по парте за пять минут до конца урока доставал свою металлическую миску и клал её на колени, время от времени поглядывая на электронные часы. Ян Цин почувствовал странное чувство, ведь когда-то он сам был таким же.

Ученики пошли обедать. Столовая была невероятно привлекательна для тех, кто провёл полдня на уроках. Ян Цин помнил, что в средней школе он был настоящим обжорой и всегда первым бежал в столовую. Но сегодня, в первый день своего возвращения в прошлое, он всё ещё лежал на парте. Еда давно перестала быть для него желанием.

Перед перерождением Ян Цин не знал, было ли это из-за лени готовить или просто из-за отсутствия аппетита, но он часто мог целый день не вспоминать о еде. Если бы не чувство голода, он мог бы вообще ничего не есть. Еда давно перестала привлекать его. То, что другим казалось вкусным, вызывало у него тошноту. У него были нормальные вкусовые и обонятельные ощущения, но всё, что он ел, казалось ему безвкусным. Так продолжалось несколько лет, и теперь у него не было никакого желания есть.

Посёлок Сыминь был маленьким, и средняя школа Сыминя тоже была небольшой. Всего в школе было чуть больше тысячи учеников и учителей. Если не считать тех, кто жил дома, в школе обедали всего несколько сотен человек. В столовой не было столов и стульев, ученики, получив еду, стояли группами, ели и болтали. Некоторые стояли прямо в зале столовой, другие выходили на школьный двор. Подростки были настолько простыми, что их можно было понять с первого взгляда.

После обеда ученики возвращались в класс с вымытыми мисками. Обеденный перерыв проводили в классе. Большинство из них были из деревень вокруг Сыминя и жили в школе, возвращаясь домой только раз в неделю. Хотя они и жили в школе, общежитие открывалось только на ночь, а всё остальное время они должны были проводить в школе.

Ян Цин на самом деле больше наслаждался одиночеством и тишиной. Когда в классе было много людей, даже дыхание становилось тяжёлым. Сосед по парте уже вернулся, и он не хотел выходить, не хотел произносить ни слова.

Авторское примечание: Открыл новый текст, пока ещё пишу другой — «Ночная песня перерождения», так что не знаю, когда найду время для этого. Но оба текста я точно не брошу.

<http://bllate.org/book/16718/1536911>